

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe) 44
ПЗ5

Eileen Cook
YOU OWE ME A MURDER

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Художественное оформление *Екатерины Фerez*

Кук, Эйлен.
ПЗ5 Ты должна мне убийство: [роман] / Эйлен Кук ; пер. с англ. А.Елецкой – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 320 с. – (Молодежный психологический триллер).

ISBN 978-5-17-115874-3

Ким никогда не думала, что будет участвовать в заговоре с целью убийства. По крайней мере, до того как парень бросил ее ради другой. Но когда в учебной поездке в Лондон она встретила Никки – смелую и уверенную в себе новую знакомую, – невинная шутка быстро переросла в нечто более серьезное. Один из студентов погиб при загадочных обстоятельствах, и чтобы завершить сделку, Ким должна совершить ответное убийство... или позволить Никки превратить ее жизнь в ад.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-115874-3

Copyright © by Eileen Cook, 2019
© А. Елецкая, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Моим друзьям,
которые всегда оставались рядом
и были наготове без вопросов привезти
лопаты и черные мешки для мусора.*

ПРОГРАММА ПО ОБМЕНУ

ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ИЗ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Наши летние программы созданы для того, чтобы показать мир вашим детям. Подобранные для студентов с отличной успеваемостью, желающих расширить свой кругозор, наши программы были названы «меняющими жизнь». Поездка дает возможность ознакомиться с искусством и архитектурой и узнать об истории от гидов мирового класса; позволяет развивать независимость вместе с укреплением дружеских связей на всю жизнь.

ОДИН

ПЯТНАДЦАТОЕ АВГУСТА ОСТАЛОСЬ 16 ДНЕЙ

Ожидая свой самолет до Лондона у выхода D78 в аэропорту Ванкувера, я замышляла убийство.

Судя по выражениям лиц окружающих, я не была одинока в своем намерении прикончить кого-нибудь. Все были раздражены и нетерпеливы, ведь наш рейс отложили. Парочка в конце ряда ссорилась, выясняя, кто из них забыл закрыть окно перед отъездом. Примерно три десятка пассажиров были готовы угробить ребенка в футболке со Спанч Бобом: малявка либо визжал на уровне децибелов, используемых для пыток собак, либо носился, врезаясь в людей и лапая их своими грязными ручонками.

Мужик напротив меня рычал и скалил свои желтеющие зубы всякий раз, когда мелкий подбегал близко к нему. По идее, такое должно отпугивать, но на мальчика это не производило никакого эффекта. Должно быть, он перенял способность

игнорировать неприятные вещи от своей матери. Та пялилась в журнал *People*, шевелила губами, проговаривая слова про себя, и абсолютно игнорировала тот факт, что окружающие хотят поколотить ее сына своими чемоданами на колесиках. Лишь когда ребенок врезался в нее и она вытаскивала смятый паке-тик с разноцветными желейными червячками, чтобы положить одного ему на ладонь, можно было понять, что это реально ее ребенок.

Я повернула голову, чтобы облегчить напряжение в шее. Как бы мне хотелось быть такой равнодушной! Но вместо этого я постоянно смотрела в сторону Коннора. Я так плотно сжала зубы, что они были готовы треснуть. На коленках у Коннора сидела Мириам. Я приказала себе прекратить глазеть на них, но мое внимание все время возвращалось к ним. Он сунул свою руку сзади под ее футболку и поглаживал ей спину. Мне знакомо это движение — со мной он делал так же.

Пока не бросил меня.

Мириам взъерошила ему волосы. Он терпеть не мог, когда так делала я. Отталкивал мою руку или уворачивался, чтобы я до них не достала. Коннор в детстве болел оспой и оглох, так что теперь носил слуховой аппарат. Поэтому предпочитал чуть лохматую прическу — не хотел привлекать к нему внимание. А мне эти штуки на ушах казались чертовски интересными. Не только потому, что это довольно классная техника: мне хотелось понять, что он чувствовал, когда полная тишина сменялась звуком. Но он не любил об этом говорить. И не любил, когда я трогаю его волосы.

Очевидно, с Мириам у него таких проблем нет. Я напомнила себе, что мне все равно. Плевать на Коннора.

Мелкий Спанч Боб врезался в меня. Своими липкими пальцами в синих и красных пятнах он ухватился за мои джинсы. Затем посмотрел на меня своими влажными глазами, не отводя взгляда, медленно опустил свой слюнявый рот к моей коленке... и укусил меня.

— Эй! — Я толкнула его, не задумываясь. Он чуть качнулся, а потом грохнулся на попу, одетую в огромный памперс, испустив громкий визг. Я виновато огляделась вокруг: мужик напротив одобрительно поднял большие пальцы. *Молодец, Ким, ты тот человек, который, пока не сталкерит* бывшего парня, избивает дошкольников.* Я присела, чтобы помочь ребенку, но тот оттолкнул меня и продолжил бегать кругами по залу.

Я покосилась на телефон, больше всего желая позвонить Эмили, своей лучшей подруге. Она всегда может меня подбодрить. Но она проводила эти каникулы, работая вожатой в лагере на дальнем берегу острова Ванкувер. Там не ловит сеть и нет Wi-Fi, так что я не дождусь от нее сообщения, что «все будет хорошо». Конечно, если бы я могла связаться с ней в начале лета, то, может, и не была бы сейчас в такой ситуации. А по старинке писать письмо от руки — как винтажно и ностальгично! — глупая затея, когда в таком эмоциональном хаосе тебе нужно сиюминутное общение с подругой.

* Охотиться, выслеживать.

Мы дружим с начальной школы, и я раньше никогда так подолгу не была без нее. Пока это лето служит ярким доказательством тому, что в одиночку я со своими проблемами справляться не могу. Я достала из сумки ее последнюю открытку. Внутри она нацарапала: *«Я верю, что ты со всем справишься! Твоя поездка будет офигенной!»* Эмили ставила восклицательные знаки везде и всегда. Но даже с такой позитивной пунктуацией я что-то не верила написанному. Я совсем не чувствовала себя уверенной в том, что справлюсь, и, хотя самолет еще даже не взлетел, уже ненавидела все в этой поездке.

Я глубоко вздохнула, досчитала до трех, выдохнула. *У меня получится.* Не хочу подвести Эмили и родителей.

В паре рядов от меня Мириам стала смеяться, запрокинув голову, будто Коннор рассказал ей самую смешную в мире шутку. Она игриво ударила его по груди своей крохотной ручкой. Все в ней такое миниатюрное. Она всем говорит, что у нее рост полтора метра, но там едва метр двадцать пять. Рядом с Коннором она смотрится нелепо. Он может посадить ее в рюкзак и таскать вокруг, как чихуахуа.

Признаюсь, если не считать ее жуткую миниатюрность, Мириам симпатичная. Ее длинные темные волосы выглядят прямо как в рекламе шампуня. Единственный недостаток — слишком яркая подводка. Она помешана на придании своим глазам формы кошачьего глаза. Мириам склонна к драме: всегда делает широкие движения, размахивая руками, откидывает волосы через плечо, болтает так громко, будто пытается заставить всех вокруг слушать ее.

Она ходила в театральный кружок — может, это стало привычкой.

Никогда бы не подумала, что Коннор будет встречаться с кем-то похожим на нее — таким же показушным. Мне казалось, что ему иногда нравится молчать, а когда мы говорили, то это было о важных вещах: философия, наука, политика. Один раз утром мы встретились в кофейне и читали *The Globe and Mail*, молча передавая статьи друг другу. Он единственный, кроме меня самой, кому нравится читать газеты. Я поймала взглядом наше отражение в окне и подумала, что мы выглядим как взрослые. Те взрослые из Нью-Йорка или Торонто, с важными профессиями, пафосными квартирами из стекла и металла, с пропусками в местные галереи.

У Мириам отсутствовал переключатель громкости, но она не была глупой. Я ее не особо хорошо знаю — она тусит с театрами, — но не подумала бы, что ей нравится Коннор. В моем воображении ей бы встречаться с парнем с серьгой в ухе, который ратует за социальную справедливость. Он не учит точные науки, но ходит на несколько курсов с углубленным изучением. А она написала реферат по Шекспиру и получила за него награду для Литературных Зануд. Неудивительно, что мне хотелось ее прикончить.

Я вздохнула. Я не хотела ее убивать, я хотела *быть* ею. Мириам не украла Коннора — нельзя украсть то, чего у тебя нет. А он не кинул меня, влюбившись в нее. То, что случилось между нами, было сложным. Сложнее, чем я готова признать. У него имелись свои причины на то, чтобы разбить мне сердце. Так что если я и замочу кого-нибудь, то это будет он.

Но неважно, кого я виню в произошедшем, это не меняет одного пренеприятнейшего факта: несколько недель мне придется терпеть, как они целуются, где бы ни находились. Я потрясла головой, вытряхивая эту картину из головы. Все напоминают мне: это займет лишь шестнадцать дней.

Самое худшее во всем этом — я умоляла разрешить мне поехать. Предложила родителям, если опустят, больше никогда не дарить мне подарки. Как только Коннор сказал, что едет, — до того, как кинул меня, — я немедленно стала мечтать, как мы будем гулять по узким мощеным улочкам рука об руку. Поездка рекламировалась как «образовательная», но, на мой взгляд, это было не совсем так. Нам обещали, что там мы будем «открыты» культуре (звучит так, будто это что-то заразное). Но меня особо не волновали ни поездка, ни то, что я могу увидеть в Лондоне; меня интересовал он. Я не желала разлучаться на три недели и не хотела, чтобы он ехал куда-то один. Я представляла, как, вернувшись в школу в сентябре, постоянно напоминаю ему: «А помнишь, когда мы были в Лондоне...», — пока это не достанет всех вокруг.

Сейчас я понимаю: он хотел поехать, думая, что я не еду с ним. Записался в группу, даже не обсудив, сообщив мне об этом уже по факту. Я упрашивала родителей несколько дней: ни разу не упомянула, что хочу поехать из-за Коннора, зато давила на то, как здорово будет расширить горизонты, как хорошо это будет смотреться в моем резюме для колледжа и как интересна британская история. Они наконец поддались.

Когда мы с Коннором разошлись, я просила родителей все отменить, но тут их было не переубедить. Они настаивали, что это не из-за предоплаты, а из принципа. Папа сказал, что представился хороший шанс «укрепить характер». Ему всегда казалось, что Коннор меня не стоит. Он также язвительно отметил неправильный прикус парня, а из уст стоматолога это звучало как серьезное оскорбление.

Мама же пренебрежительно шмыгнула носом и сказала, что из-за таких, как он, «не стоит даже переживать». Она вела себя так, будто он ей никогда не нравился, хотя радовалась, когда я впервые сказала ей, что мы встречаемся. Она сама в моем возрасте влюблялась в таких, и именно такие парни, как ей казалось, не должны были замечать существование ее неловкой дочери. Она посмотрела на меня тогда по-другому, будто ее гадкий утенок наконец стал похожим на лебедя. Мы пошли вместе по магазинам и сделали одинаковый маникюр, покрасив ногти в ярко-розовый. До этой пары недель мы никогда так хорошо не ладили.

Когда мы разошлись, мама вела себя так, будто это ее оскорбили. Хоть она и сказала, что поездка — это шанс повидать мир, она также хотела, чтобы я, наподобие ей самой, высоко держала голову в этой ситуации. Конечно, я хотела бы стать таким человеком, который всю наслаждается миром, несмотря на разрыв, и заводит новых крутых друзей. А еще так, о разрыве с которым потом жутко сожалеют.

Ну, раз уж я мечтаю, то к этой фантазии можно добавить приглашение к королеве во дворец, где Уилл и Кейт попросят меня посидеть с их ребенком,

а Гарри и Меган попробуют свести меня с каким-нибудь мелким графом или герцогом. Хотя на самом деле следующие пару недель будут отстойными.

Я буду пристегнута без шанса сбежать, и весь полет придется наблюдать, как даже на жутких сиденьях эконом-класса Коннор и Меган не отлипают друг от друга ни на секунду. Я крепко зажмурилась, будто могла таким образом выкинуть эту кошмарную мысль из головы. С тех пор как мы зарегистрировались на рейс и узнали свои места, я уже тысячу раз сказала себе, что справлюсь с этим. Но с каждой проходящей секундой становилось яснее, что ничего не выйдет. Я взорвусь где-нибудь в десяти километрах от земли и побую их одним из журналов, услужливо предоставленных авиакомпанией.

Или снова начну рыдать. Не знаю даже, что хуже. Казалось бы, сколько человек может плакать — пока в нем не закончится вода? Почему, даже сказав себе, что терпеть его не могу, я чувствую, как в присутствии этого парня сердце будто разрывается?

Я встала так резко, что сумка свалилась на пол. Подхватив ее, я направилась к стойке регистрации. Девушка-администратор не обратила на меня внимания и продолжила печатать на компьютере, клацая по клавиатуре своими ярко-красными ногтями. Я прокашлялась, но она продолжала печатать, игнорируя меня.

— Извините... — выдавила я из себя, но она подняла палец, дав мне знак помолчать.

Наконец девушка закончила и посмотрела на меня.

— Если хочешь узнать про время взлета, то я ничего не могу сказать. Мы начнем посадку как только

получим разрешение. — Ее макияж смазался; подозреваю, что нервы у нее были на пределе. Одним своим видом девушка говорила: никогда не работай в сфере услуг!

— Скажите, можно ли поменять место в самолете? — Я наклонилась ближе к ней, хоть и понимала, что Коннор никак не услышит меня со своего места.

Ее лицо скривилось.

— Не думаю, что...

— Видите там парня? — Я кивнула головой в сторону Коннора. — Это мой бывший. Мы вместе летим в Лондон по образовательной программе, и я буду сидеть прямо за ним, — я выдержала паузу, — девять часов.

Ее брови домиком взлетели высоко на лоб, и она заглянула за мое плечо. Возможно, у меня и получится достучаться до нее.

— Он был моим первым парнем, — у меня внезапно сел голос, но я сдержалась, — и он бросил меня пару недель назад.

— Прости, но... — Глаза администратора потеплели, но она покачала головой.

— Это его новая девушка. Мы были лучшими подругами.

Она удивленно вздохнула и посмотрела на Коннора так, будто он жвачка, прилипшая к подошве ее туфли. Мне даже стало немного стыдно, когда я это сказала. Мы с Мириам никогда не общались до этой поездки и уж точно никогда не были подругами, тем более лучшими. Но я должна была убедить менеджера помочь мне, так что на войне как на войне.

Я никогда не вру, чтобы ранить кого-то или подшутить, но иногда выдумываю истории, чтобы... сделать себя более интересной в глазах других. Я всегда так делала. В младшей школе я сказала одноклассникам на площадке, что у меня в саду живут феи. Когда была постарше, соврала, что меня удочерили. Я не хотела врать: просто мечтала быть интересной, но никогда такой не являлась.

Коннору же я не врала, всегда старалась честно рассказывать о своих чувствах. И вот как все обернулось.

— Имя? — заклацала по клавиатуре администратор.

— Ким. Ким Майер, — сказала я и повторила фамилию по буквам.

— Мне нужен твой старый посадочный талон.

Я протянула ей мятую бумажку, и она порвала ее пополам. Мой новый талон как раз уже напечатался, и девушка передала мне его, подмигнув.

— Он тебя не стоит. Хорошего полета.

— Спасибо, — выдохнула я и сразу почувствовала облегчение.

Я прошла через толпу и плюхнулась обратно на свое место. Отложив уже прочитанную *The New York Times*, я вытащила из сумки журнал и спрятала лицо в его страницах, не давая слезам подступить. Администратор сказала правду: Коннор меня не стоит. То же самое говорила и Эмили. Но даже если я понимаю, что это так, легче не становится. Мне остается только заставить сердце принять тот факт, что в голове я его уже не люблю.

Через разделявшие нас несколько мест ко мне пересела девушка.

— Она сказала что-нибудь про взлет? — С ее британским акцентом мне показалось, что мы находимся на съемках какой-нибудь исторической картины на ВВС.

— Никаких новостей. — Я потрясла головой и незаметно смахнула слезы.

Она вздохнула, подтянула ноги к груди и обвила их руками. Затем натянула рукава своего кремового кашемирового свитера до самых пальцев и взглянула на газеты рядом со мной.

— Твоя «Таймс»?

Я кивнула.

— Ты читала об изменениях в сфере космонавтики? Утром видела статью.

Я чуть не подскочила от удивления. Девушка казалась одной из тех, кто всегда следит за миром моды и не отличит шаттл от ракеты, даже если один из них врежется в нее. Я стала листать газету в поисках научной колонки.

— Вот что мне нравится в газетах: никогда не знаешь, что найдешь. Прямо как с пасхальными яйцами*.

Я кивала как китайский болванчик. Ведь это именно то, почему мне тоже нравилось читать прессу.

— Ага. Любишь космос?

— Просто интересно, — пожала она плечами.

— Меня зовут Ким. — Я протянула ей руку.

* В некоторых англоязычных странах существует такая традиция, как поиск пасхальных яиц в саду. Взрослые прячут по периметру сада шоколадные яйца, чтобы дети могли их отыскать.

— Никки. — Она улыбнулась и ответила на рукопожатие. — Почему ты не тусишь со своей группой? — Девушка указала на ребят в отдалении.

Наша группа состояла из восьми человек. Некоторые из них сейчас достали карты и играли на ковре, другие сгрудились вокруг ноутбука Джамала, слушая его музыку.

— А как ты узнала... — начала я, но она тут же дернула привязанную к моему багажу сине-белую бирку «Студенты по обмену», о которой я совсем забыла. — Я не особо общаюсь с ними. И нас только трое из одной школы, но тут все сложно.

— История моей жизни, — кивнула Никки. — Я навещала здесь отца, который не живет в Лондоне со мной и мамой, так что все тоже сложно. — Она убрала челку за ухо, но та была довольно короткая и упала обратно на лицо. — Прости, что ною. Люди просто... фу. Не знаю. Разочаровывают. — И она снова попыталась убрать волосы за ухо.

— История моей жизни, — повторила я за ней. Она засмеялась, и звуке смех напомнил мне звучание пианино.

Никки указала на мой журнал по робототехнике и поинтересовалась, буду ли я изучать это в университете.

— Не уверена, — покачала я головой, — скорее, выберу инженерное направление или программирование.

Из динамиков загромыхало объявление о рейсе в Феникс. Никки подождала, пока оно закончится.

— Я думаю поступать на психологию. Мне интересны исследования в этой сфере. А этот год